

ПРАВО

УДК 342.4

Е.С. Аничкин, Т.И. Ряховская

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: УНИКАЛЬНОЕ И УНИВЕРСАЛЬНОЕ

Статья посвящена исследованию конституционного права России и стран Центральной Азии. Эта географическая общность выбрана в связи с ее малой изученностью и близостью к Российской Федерации. Более того, наше взаимодействие может привести к положительным результатам в сфере государственно-правового строительства. Авторами предпринимается попытка выявления не только общего с отечественным конституционно-правовым регулированием, но и особенного – уникального, свойственного странам Центральной Азии.

Ключевые слова: универсализация; глобализация; преемственность; конституция; конституционное право; интернационализация; правовая система; сравнительное конституционное право; конституционная идентичность.

Современный период глобализации и интернационализации общественно-политической и экономической жизни оказывает прямое воздействие на правовую действительность (или, обобщенно говоря, как пишут некоторые зарубежные авторы, наметилась тенденция «глобализации конституционного права» [1]). В ходе этих процессов правовые системы отдельных стран становятся ближе друг к другу, нередко копируют международные модели, вовлекаясь в глобальную политическую культуру и становясь удивительно «изоморфными» (похожими) [2. Р. 433], государства активно используют передовой правовой опыт, испытывают влияние наднационального права и переосмысливают собственное правовое развитие.

В связи с этим отдельный интерес представляют современные правовые коммуникации России и стран Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан). Правовые системы этих стран вообще и конституционное право как системообразующая отрасль права в частности характеризуются определенной общностью, обусловленной объективными причинами. Общность конституционного права России и стран Центральной Азии детерминирована общим историческим прошлым, поскольку все указанные государства являлись республиками бывшего СССР, частями единого целого. Более того, относительное единство политических, экономических, социальных, геополитических реалий характерно для данных стран и в настоящее время, что обусловлено их вхождением в Содружество Независимых Государств (СНГ). Вместе с тем обращает на себя внимание недостаточная исследованность наукой конституционного права обозначенных стран. Обычно при освещении вопросов права государств СНГ особого акцента на Центральную Азию не делается. В некотором смысле это является упущением: наше взаимодействие, а с ним и взаимное влияние неизбежны, а результаты его могут привести к позитивным изменениям не только в государствах указанного географического региона, но и в сфере отечественного конституционного права.

Каковы универсальные характеристики конституционного права Российской Федерации и центральноазиатских государств, в чём наблюдается

сближение их конституционно-правового регулирования? Согласно толковому словарю, «универсализировать» – значит обобщить, сделать общим, распространить на многое, многих [3. С. 836]. Соответственно, универсализация – это процесс обобщения, распространения, достижения единообразия. Правовая универсализация означает всеобщность, тотальность, масштабность в правотворчестве, содержании права, правоприменении, правовой доктрине. Особенно на развитие правовой универсализации национального и международного уровня влияют процессы интеграции различных государств [4, 5]. Объективная близость России и стран Центральной Азии и основанная на толерантности их интеграционная политика формируют благоприятную основу конституционно-правовой универсализации, обеспечиваемой в свою очередь, интернационализацией и рецепцией конституционного права. Полагаем, можно выделить следующие проявления конституционно-правовой универсализации.

Во-первых, для всех рассматриваемых стран характерен разрыв с конституционно-правовым опытом советского прошлого. Постсоветское конституционное развитие отличается полным отрицанием советского государственного строя, отсутствием преемственности с предшествующим конституционным циклом. Безусловно, «отрицание государственно-правового опыта» случалось и ранее, например, в период «после Первой мировой войны и возникновения первого государства тоталитарного социализма – РСФСР (1917 г.) уже сложившиеся доктрина и практика конституционализма были объявлены буржуазно-демократическими и непригодными для переустройства общества на иных началах» [6. С. 20], – как справедливо пишет В.Е. Чиркин. И подобно тому, как Советская Россия продемонстрировала в своё время отказ от взаимодействия с дореволюционной правовой системой, современная Россия отторгла советский конституционный опыт и, напротив, возродила (реставрировала) отдельные элементы конституционализма досоветского этапа. Примером тому являются такие реставрированные из имперского прошлого конституционные явления, как институт губернаторства, институт мировой юстиции, суд присяжных.

Примечательно, что в Конституциях Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана отсутствует уточнение о том, как быть с действующими до принятия основных законов нормативно-правовыми актами. В то же время в России и Казахстане уточняется, что на их основе можно продолжать регулирование общественных отношений, если ранее сложившееся законодательство не противоречит новой конституции государства. Следовательно, отсутствие преемственности с конституционным правом периода СССР – явное проявление универсализации конституционной эволюции рассматриваемой совокупности государств.

Во-вторых, для конституционного права России и стран Центрально-Азиатского региона свойственно принципиальное обновление основ конституционного строя, т.е. качественно иные фундаментальные принципы государственной и общественной жизни, проходящие «красной нитью» через основные законы. По справедливому замечанию профессора Н.А. Михалевой, «масштабность конституционных реформ связана с вступлением стран СНГ на путь формирования рыночной экономики и утверждением ценностей гражданского общества» [7. С. 90]. К тому же, в Постановлении Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «О конституционных реформах в государствах-участниках СНГ» от 29 декабря 1992 г. было отмечено, что эти реформы отражают коренные экономические, политические и социальные преобразования, происходящие в государствах Содружества [8]. Для России и стран Центральной Азии едины такие характерные для классической демократии основы конституционного строя, как народовластие, республиканская форма правления, социальный и светский характер государства, приоритет прав и свобод человека, разделение властей, многопартийность, множественность и равноправие форм собственности и др. Указанный набор принципов, по мнению С.А. Белова, образует основу для универсальной концепции конституционализма, которая дает основания национальным конституционным судам при столкновении со сложными конституционными проблемами изучать решения подобных проблем за рубежом. Эта общая концепция универсального конституционализма предполагает сходные решения для схожих конституционных проблем, – отмечает ученый [9. С. 38].

В-третьих, конституционное право России и стран Центральной Азии отличается интернационализацией, испытывая заметное влияние общепризнанных принципов и норм международного права. Кроме общего международного права как важнейшего фактора универсализма, специфическим правовым инструментом наднационального влияния на конституционное право рассматриваемых государств являются акты общего права СНГ по конституционным вопросам, т.е. региональная подсистема международного права. Россия и все страны Центральной Азии исходят из примата международного права над внутригосударственным, что обуславливает необходимость приведения последнего в соответствие с источниками общего международного права и наднационального пра-

ва стран СНГ. Так, содержание разделов конституций стран СНГ, посвященных правовому статусу личности, свидетельствует об успешной имплементации международно-правовых норм о правах человека во внутреннее законодательство этих стран.

Ключевыми конституционно-правовыми источниками общего права стран СНГ являются:

- учредительные нормативные акты СНГ (Устав СНГ от 22 января 1993 г., Соглашение о координационных институтах СНГ от 21 декабря 1991 г.);

- многосторонние договоры государств-участников СНГ (Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г., Соглашение о помощи беженцам и вынужденным переселенцам от 24 сентября 1993 г.);

- акты Совета глав государств и Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (рекомендованный законодательный акт МПА СНГ «О согласованных принципах регулирования гражданства» от 23 декабря 1992 г.);

- двусторонние международные договоры в рамках СНГ (например, Договор между РФ и Туркменистаном о сотрудничестве в целях обеспечения прав российского меньшинства в Туркменистане и туркменского в Российской Федерации от 18 мая 1995 г.);

- декларации (Декларация о принципах местного самоуправления в государствах – участниках СНГ от 29 октября 1994 г.).

В-четвертых, в качестве фактора сближения конституционного права рассматриваемых стран выступает рецепция передового зарубежного конституционного опыта. Несмотря на то что и Россия, и центральноазиатские республики являются странами-реципиентами, степень заимствований и страны-доноры, являющиеся ориентирами конституционного развития, у них различаются. Если Россия в постсоветский период использовала, главным образом, опыт отдельных стран Западной Европы и США, то страны Центральной Азии уделяли, в свою очередь, большее внимание конституционному развитию России и в меньшей степени странам дальнего зарубежья.

В отличие от других отраслей права конституционному праву свойственна рецепция не отдельных правовых норм или институтов, а, прежде всего, заимствование правовых идей и принципов. Конституционная модернизация России в начале 90-х гг. прошлого столетия в период разработки действующей Конституции сопровождалась активными заимствованиями из конституционного права Франции (президентство и его отношения с парламентом и правительством), ФРГ (конституционная юстиция, идея социального государства, соотношение международного и национального права), США (права человека, принципы федерализма), Швеции (омбудсмен) [10. С. 396].

Применительно к Конституции Узбекистана подобное отмечалось И.А. Каримовым, который подчеркивал, что при создании проекта новой Конституции они творчески использовали конституционную практику таких развитых демократических государств, как Турция, Соединенные Штаты Америки, Япония, Канада, Германия, Франция, Португалия,

Италия, Швеция, Испания, и таких восточных стран, как Индия, Пакистан, Египет [11. С. 171].

В разработке Основного закона Республики Казахстан принимали активное участие французские специалисты, о чем упоминает на прошедшей 20 апреля 2018 г. в Институте Сорбонна–Казахстан КазНПУ им. Абая международной научно-практической конференции «Конституция и общественная свобода: формирование правовой модели (опыт Казахстана и Франции)» Председатель Конституционного Совета Республики Казахстан И.И. Рогов [12].

В обозначенном нет ничего удивительного, поскольку отдельные модели государственно-правового регулирования вполне успешно используются зарубежными партнерами. Другой вопрос, что действующие модели нелогично переносить целиком в то или иное государство без учета его правовых, исторических и культурных особенностей. Иначе может произойти то, о чем пишет применительно к Российской Федерации Е.И. Колюшин: 1) одновременное восприятие элементов и американской, и европейской моделей прав человека приведет к тому, что возникнут новые и обострятся старые проблемы реализации конституционных прав, хотя по числу конституционных прав Россия обогнала любую из этих стран; 2) переход на систему разделения властей при сохранении главы государства с огромными полномочиями повлечет за собой резкое ослабление исполнительной власти, что парализует позитивный эффект механизма разделения властей [13. С. 8].

Но чем объяснить влияние российского конституционного опыта на конституционное право отдельных постсоциалистических стран, включая регион Центральной Азии? Россия в сравнении с данными странами имеет хронологически более длительный конституционный опыт, находящий истоки в дореволюционном периоде, так как основные государственные законы Российской империи были приняты ещё 23 апреля 1906 г. Кроме того, Россия как центр бывшего СССР и его правопреемник традиционно выступала ориентиром для большинства бывших союзных республик. В России чуть раньше чем в республиках Центральной Азии начались процессы модернизации советской конституции, внесения в неё демократических поправок. Прогрессивная, а по ряду позиций передовая Конституция РФ обусловила интерес со стороны постсоветских республик, некоторые из которых приняли свои конституции позднее российской (например, в Таджикистане конституция была принята 6 ноября 1994 г.).

Конституционная практика содержит примеры влияния российских конституционных реформ на конституционное право стран Центральной Азии. В области конституционного права пока, в основном, наблюдается односторонняя, а не обоюдная рецепция. На необходимость учёта идей и принципов российской Конституции неоднократно указывалось в документах, сопровождающих разработку основных законов центральноазиатских государств. В частности, все страны Центральной Азии восприняли модель сильной президентской власти, заложенную в действующей Конституции России. Исключением стала Рес-

публика Кыргызстан, где после двух государственных переворотов 2005 и 2010 гг. в апреле 2010 г. была принята новая конституция, установившая в Кыргызстане парламентаризм с существенным ограничением полномочий президента. В других странах, напротив, президент обладает ключевыми и обширными полномочиями, которые имеют тенденцию к расширению, оказывает заметное влияние на все ветви государственной власти и даже совмещает функции главы государства и главы исполнительной власти (ст. 64 Конституции Республики Таджикистан, ст. 52 Конституции Республики Туркменистан).

Примером же редкой обоюдной рецепции, полагаем, можно считать известную формулировку ч. 1 ст. 15 о прямом действии Конституции России, которая встречается и в иных основных законах: в ст. 5 Конституции Туркменистана говорится: «...закрепленные в ней нормы и положения имеют прямое действие», в ст. 6 Киргизской Республики – «имеет высшую юридическую силу и прямое действие», то же самое провозглашается и в Таджикистане, и в Казахстане. А вот в принятой ранее остальных (8 декабря 1992 г.) Конституции Узбекистана это отсутствует. Следует заметить, что аналогичная ситуация просматривается и с «непосредственным действием прав и свобод человека и гражданина», которое оказалось не закреплено в Казахстане. Учитывая, что существующие конституции мира не имели практики закрепления четкой формулы о «прямом действии» конституционных норм и «непосредственно действию прав и свобод человека и гражданина», напрашивается вывод о вероятности взаимного влияния конституций стран Центральной Азии друг на друга.

Закрепленный постулат в ч. 2 ст. 80 Конституции РФ – «Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина» – повторяется в ст. 64 Конституции Таджикистана. Не дословно, но аналогичное встречается в ч. 2 ст. 40 Основного Закона Казахстана, ст. 68 Туркменистана, где обозначено, что «Президент <...> выступает гарантом государственной независимости и статуса постоянного нейтралитета Туркменистана, его территориальной целостности, соблюдения Конституции, прав и свобод человека и гражданина и выполнения международных обязательств» (ст. 68). Таким образом, Туркменистан оказался первым среди государств Центральной Азии, где было конституционно утверждено, что Президент несет личную ответственность за соблюдение Конституции и реализацию прав и свобод человека.

Упрощению влияния конституционного права России на право стран Центральной Азии способствует и особое положение русского языка. Так, согласно ст. 7 Конституции Республики Казахстан, «в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык». Подобная норма встречается в ст. 10 Конституции Кыргызстана и ст. 2 Конституции Таджикистана.

В-пятых, каждое государство учитывает в основных законах свои естественно-географические, исторические, национально-культурные, внутривластные

ские и иные особенности. В этом смысле содержание конституций отличается плюрализмом, оригинальностью конституционно-правовых решений. Если в советский период конституции центральноазиатских республик копировали друг друга, то в настоящее время более контрастно отражают собственную конституционную идентичность. Последняя определяется с точки зрения политико-правовой природы государства, с учетом специфики механизма конституционно-правового регулирования, а также в контексте конституционного правосознания и конституционной культуры [14. С. 32] и позволяет демонстрировать многообразие конституционно-правового регулирования общественных отношений в рамках конкретного государства.

Особенности можно обнаружить с первых строк преамбул Конституций государств. В частности, только в Российской Федерации используется терминологический оборот «многонациональный народ», что сделано с целью объединить все те нации, что проживают на территории России.

И, хотя «основы конституционного строя» неизменно закрепляются первыми и, в целом, содержат сходные положения, Туркменистан (исходя из смысла ст. 1 Конституции), единственный из рассматриваемых, обладает статусом постоянного нейтралитета. Более того, в его Основном законе сразу уточняется: существует «запрет конфискации имущества» (ст. 9), а «государство поддерживает развитие малого и среднего бизнеса» (ст. 10), что выглядит весьма уникально относительно иных основных законов государств.

Казахстан оказался единственным государством стран Центральной Азии, в котором конституционно уточнено, что принцип разделения властей реализуется с использованием системы сдержек и противовесов (ч. 4, ст. 3). В Киргизии же «государство и его органы служат всему обществу, а не какой-то его части» (ч. 1, ст. 5).

Вопросы внешней политики вынесены в отдельную главу IV Основного закона Республики Узбекистан, что, вероятно, сделано с целью обозначения важности этого направления деятельности государства.

Примечательно, что после недавних изменений [15] в Конституции Киргизии появилось положение, согласно которому «порядок и условия применения международных договоров и общепризнанных принципов и норм международного права определяются законами» (ст. 6), что означает примат внутригосударственного права над международно-правовым регулированием.

В Казахстане [16], примерно спустя год после Киргизии, появились похожие изменения ч. 3 ст. 4, где указано, что международные договоры, ратифицированные Республикой, имеют приоритет перед ее законами. Однако порядок и условия действия на территории Республики Казахстан международных договоров, участником которых является Казахстан, определяются законодательством Республики.

В Таджикистане общепризнанные принципы и нормы международного права обладают приоритетом над внутригосударственными источниками, а в Турк-

менистане и Узбекистане этот вопрос остался не конкретизированным.

В Таджикистане «запрещается деятельность политических партий других государств, создание партий национального и религиозного характера, а также финансирование политических партий зарубежными государствами и организациями, иностранными юридическими лицами и гражданами» (ст. 6 Основного закона) – подобного рода ограничения, которое было бы конституционно отражено, больше нигде не встречается в рассматриваемом регионе.

Конституция Киргизии содержит положения о государственном бюджете, который состоит «из республиканского и местных бюджетов, включает доходы и расходы» (ст. 13), чего не прослеживается у других. «Земля также может находиться в частной, муниципальной и иных формах собственности, за исключением пастбищ, которые не могут находиться в частной собственности» (ч. 5 ст. 12), – описанное исключение нигде не встречается, вероятно, по причине отсутствия таких специализированных территорий, как «пастбища».

Хотелось бы также обратить внимание на еще одну особенность: в Туркменистане (ст. 1), Таджикистане (ст. 1) и Казахстане (ч. 1 ст. 2) присутствует указание на форму правления, которая названа «президентской», а в Узбекистане, Киргизии и России такое уточнение отсутствует.

Что касается вопросов, связанных со сферой правового положения личности, то Конституция Узбекистана впечатляет своей детальной регламентацией этого направления по областям общественных отношений, что отражено в разделе втором, именуемом «Основные права, свободы и обязанности человека и гражданина», включающем целых 6 глав. В Киргизии этот институт тоже весьма подробно представлен.

Положение, позволяющее иметь двойное гражданство, содержится только в Конституции Киргизии (ст. 50), в Таджикистане это возможно, но при соблюдении определенных условий: «...предусмотренных законом или межгосударственными договорами Таджикистана» (ст. 15), в России и Узбекистане прямого запрета на это право нет, а вот в Туркменистане (С. 10) и Казахстане (ч. 3 ст. 10) он содержится. В последнем есть и указание на допущение лишения гражданства «за совершение террористических преступлений, а также за причинение иного тяжкого вреда жизненно важным интересам Республики Казахстан».

Казахстан оказался единственным государством, где «смертная казнь устанавливается законом как исключительная мера наказания за террористические преступления, сопряженные с гибелью людей, а также за особо тяжкие преступления, совершенные в военное время, с предоставлением приговоренному права ходатайствовать о помиловании» (ст. 15 Конституции Республики Казахстан).

О возможности несения альтернативной гражданской службы говорится в ст. 23 Конституции Кыргызской Республики, в ст. 52 Конституции Узбекистана, ст. 59 Российской Федерации, в иных государствах это не встречается.

В Республике Казахстан (ч. 2 ст. 18 Конституции Казахстана) и в Республике Узбекистан (ст. 36 Основного закона Узбекистана) устанавливается право каждого на тайну личных вкладов и сбережений, помимо традиционного права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Эксклюзивными, не встречающимися среди стран Центральной Азии оказываются следующие положения:

– в Туркменистане: ст. 40 «каждый человек обязан уважать национальные традиции»;

– Таджикистане: ст. 20 «запрет на полную конфискацию имущества осужденного»; ст. 33 «запрет на многобрачие»; ст. 42 «незнание законов не освобождает от ответственности»;

– Киргизии: на основании ст. 16 действует принцип обеспечения наилучших интересов ребенка; ст. 23 содержит запрет рабства; ч. 2 ст. 28 закрепляет, что «уголовный закон, устанавливающий ответственность, по аналогии не применяется»; ст. 59 дает возможность гражданам учреждать суды акакалов.

О формах правления в странах бывшего СНГ пишет А.В. Нечкин, акцентируя внимание на определенных особенностях: «...главы государств (президенты) обладают особым привилегированным статусом, который выражается в гипертрофированных полномочиях в сферах всех трех традиционных ветвей государственной власти, но особенно в сфере исполнительной власти» [17. С. 12]. Причем в Узбекистане, Киргизии и России президенты при всем при этом юридически не являются главами исполнительной ветви государственной власти.

Например, в Казахстане и Узбекистане президент обладает решающими полномочиями в сферах традиционного даже для стран СНГ, где он является главой исполнительной ветви государственной власти (Таджикистан и Туркменистан), взаимодействия правительства и парламента. К таким сферам, в частности, относятся право объявлять законопроект срочным (Казахстан), право делегированного законодательства (Казахстан), осуществление текущего бюджетного контроля (Узбекистан) и контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина (Казахстан).

В Российской Федерации глава государства не является главой исполнительной ветви государственной власти. Однако, как и в Республике Казахстан, его влияние на формирование состава правительства также чрезвычайно велико. В выше упомянутых странах (Российская Федерация, Казахстан) правительство по факту несет политическую ответственность только перед президентом, который де-юре не является главой исполнительной ветви государственной власти [Там же. С. 11–16].

Как указывает О.А. Пугина, «форма правления современного Российского государства является результатом тяготения российской государственности в централизованной исполнительной власти, вызванного геополитическими и историческими факторами, а также сложностями современного этапа развития. Институт президентства в Российской Федерации продолжает монархические традиции проявлявшиеся на предыдущем этапе в рамках поста Генерального

секретаря Коммунистической партии Советского Союза» [18. С. 4], с чем сложно не согласиться.

Интересно, что несколько позже прошла «волна» конституционных изменений, например, ч. 5 ст. 42 Основного Закона Казахстана закрепила следующее: «одно и то же лицо не может быть избрано Президентом Республики более двух раз подряд. Настоящее ограничение не распространяется на Первого Президента Республики Казахстан» – поправка была внесена 21 мая 2007 г. В Конституции Таджикистана – действующий президент страны Эмомали Рахмон как Лидер нации сможет избираться на пост главы государства неограниченное количество раз – поправка внесена 22 мая 2016 г. Весьма схожие по своей сути поправки, принятые с разницей менее 10 лет.

Уникальной представляется забота об экс-президенте в Киргизии (ст. 69), статус которого устанавливается законом. В Узбекистане он пожизненно может занимать должность члена Сената (ст. 97). В Таджикистане: каждый бывший Президент Республики является членом Маджлиси милли пожизненно (ст. 49).

Законодательные (представительные) органы имеют абсолютно разные, самобытные названия: Туркменистан – Меджлис, Узбекистан – Олий Мажлис, Киргизия – Жогорку Кенеш, Таджикистан – Маджлис Оли, в России – Федеральное Собрание, а в Казахстане, весьма привычно, – Парламент. В Киргизии и Туркменистане парламенты монокамеральные, в остальных государствах – бикамеральные.

Примечательно, что Олий Мажлис (Узбекистан), Маджлис Оли (Таджикистан) может принимать, кроме законов, и постановления. А вот такая разновидность нормативно-правовых актов, как конституционный закон, известна лишь в Таджикистане, Казахстане и Российской Федерации.

Помимо типичных полномочий, Меджлис Туркменистана в соответствии со статьей 81 Конституции наделен еще и правом конституционного контроля: «определяет соответствие Конституции нормативных правовых актов органов государственной власти».

Потерять свое место в Жогорку Кенеше депутат может, отсутствуя на его заседаниях без уважительных причин в течение 30 дней (п. 7 ч. 3 ст. 73 Конституции Киргизии). «Отсутствие депутата без уважительных причин на заседаниях Палат и их органов более трех раз, как и передача права голоса, влечет за собой применение к депутату установленных законом мер взыскания» – говорится и в ч. 2 ст. 52 Конституции Казахстана.

Относительно *органов исполнительной власти* наблюдается следующее: помимо известного названия «правительство» встречается и Кабинет Министров – в Узбекистане и Туркменистане, в последнем указанный орган является не только исполнительным, но и распорядительным (ст. 91), с президентом во главе, который является его председателем. Формируется он также президентом и перед вновь избранным президентом слагает свои полномочия.

Детально деятельность и полномочия Правительства закреплены в Конституции Узбекистана и Киргизии, в остальных государствах – конституционным

законом, федеральным конституционным законом (в России) или законом (в Туркменистане).

Только в Киргизии правительство подотчетно Жогорку Кенешу, в Узбекистане и Казахстане ответственность перед парламентом дополнена еще и ответственностью перед главой государства. В Таджикистане и Туркменистане конституционного закрепления адресата подотчетности нет.

В Туркменистане и Казахстане «правительство» назначается президентом, в Таджикистане им же, но с согласия «парламента», что наблюдается и в Российской Федерации. А вот в Узбекистане кандидатура премьер-министра предлагается политической партией, набравшей наибольшее количество депутатских мест на выборах в Законодательную палату Олий Мажлиса, или несколькими политическими партиями, получившими равное наибольшее количество депутатских мест. Президент Республики после рассмотрения представленной кандидатуры на должность премьер-министра в десятидневный срок предлагает ее на рассмотрение и утверждение палатами Олий Мажлиса. Кандидат на должность премьер-министра при рассмотрении и утверждении его кандидатуры в Олий Мажлисе представляет программу действий Кабинета Министров на ближайшую и долгосрочную перспективу. Кандидатура премьер-министра считается утвержденной, если за нее будет подано более половины голосов от общего числа, соответственно, депутатов Законодательной палаты и членов Сената Олий Мажлиса. Члены Кабинета Министров Республики Узбекистан утверждаются Президентом Республики Узбекистан по представлению Премьер-министра Республики Узбекистан, – так закреплено в ст. 98 Конституции.

В Киргизии «фракция, имеющая более половины депутатских мандатов, или коалиция фракций с ее участием в течение 15 рабочих дней со дня первого заседания Жогорку Кенеша нового созыва выдвигает кандидата на должность Премьер-министра. Кандидат на должность Премьер-министра вносит в Жогорку Кенеш программу, структуру и состав Правительства», – так гласит ст. 84.

Таким образом, в двух вышеобозначенных государствах законодательная ветвь власти участвует в назначении «правительства», что является весьма интересным. Причем, Основной Закон Киргизии, как уже ранее упоминалось, был принят позже всех остальных.

В отличие от других государств, в Киргизии Жогорку Кенешем может быть принято решение о выражении недоверия правительству и его отставки президентом, даже при отсутствии согласия последнего (ст. 85). В то же время премьер-министр несет персональную ответственность перед Жогорку Кенешем и может ставить самостоятельно вопрос о доверии правительству, но не чаще 1 раза в год (ст. 85, 89).

Уникальной видится обязанность Правительства Казахстана слагать «свои полномочия перед вновь избранным Мажлисом Парламента Республики», о чем говорит ст. 70 Конституции. В основном в странах Центральной Азии подобное происходит перед Главой государства.

В Казахстане (ст. 65) и Таджикистане (ст. 73) правительство приносит присягу президенту, однако в первом это делается еще и народу. В иных странах Центральной Азии подобное не встречается.

Судебная ветвь власти для каждого из рассматриваемых государств представлена весьма идентично. В частности, для Казахстана это Верховный суд (ст. 81) – высший судебный орган по гражданским, уголовным и иным делам (причем, существует и специализированный орган конституционного контроля – Конституционный Совет, не являющийся судебным); Таджикистана (ст. 84) – Конституционный суд, Верховный Суд, Высший экономический суд, Военный суд, Суд Горно-Бадахшанской автономной области, суды областей, города Душанбе, городов и районов, Экономический суд Горно-Бадахшанской автономной области, экономические суды областей и города Душанбе; Туркменистана (ст. 97) – Верховный суд и другие суды, предусмотренные законом; Киргизии (ст. 93) – Верховный суд (в его составе действует Конституционная палата) и местные суды.

В Узбекистане была проведена судебная реформа (6 апреля 2017 г. Президент Шавкат Мирзиёев подписал закон о внесении изменений и дополнения в Конституцию страны, предусматривающий обновление судебной системы), в результате которой Высший хозяйственный суд и Верховный суд объединены в единый высший орган судебной власти в сфере гражданского, уголовного, административного и экономического судопроизводства – Верховный суд Республики Узбекистан. Был введен новый институт – Высший судейский совет Республики Узбекистан. Он является органом судейского сообщества и оказывает содействие в обеспечении соблюдения конституционного принципа независимости судебной власти в Узбекистане. В судебной системе образованы экономические и административные суды, а именно: экономические и административные суды Республики Каракалпакстан, областей и города Ташкента, а также межрайонные, районные и городские экономические суды и районные и городские административные суды [19].

Подобного рода реформа проведена несколькими годами ранее в Российской Федерации, где произошло слияние Высшего Арбитражного и Верховного судов, что, вероятно, могло быть заимствовано соседями.

В то же время традиционным для конституционно-правовой практики представляется закрепление запрета на создание чрезвычайных судов, принципа независимости судей и подчиненности их только Конституции и закону.

Невозможно не обратить внимание и на конкретизацию материальных пределов изменения и дополнения конституций стран Центральной Азии, о которых в своей монографии говорит Д.Г. Шустров [20, С. 408]. В частности, в п. 2 ст. 91 В Конституции Республики Казахстан содержится оговорка, в которой уточнено: «...независимость государства, унитарность и территориальная целостность Республики, форма ее правления, а также основополагающие принципы деятельности Республики, заложенные Ос-

нователем независимого Казахстана, Первым Президентом Республики Казахстан – Елбасы, и его статус являются неизменными». В Основном законе Таджикистана в ст. 100 также содержится уточнение, что «республиканская форма правления, территориальная целостность, демократическая, правовая, светская и социальная сущность государства неизменны». В Туркменистане же в ст. 141 оговорено лишь, что «положения Конституции о государственном правлении в форме президентской республики не могут быть изменены». В Российской Федерации, как известно, не могут подвергаться изменению гл. 1 «Основы конституционного строя», гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина» и гл. 9 «Конституционные поправки и пересмотр Конституции». Примечательно, что в Узбекистане и в Киргизии отсутствуют указания на неизменность положений Основного закона, делая их более гибкими относительно описанных.

Резюмируя вышеизложенное, обратим внимание на интересный момент: конституционно-правовые институты, подверженные влиянию норм международного права, особыми различиями не обладают (например, права и свободы человека и гражданина). Наиболее своеобразной представляется регламентация организации и деятельности органов государственной власти, однако и она, в силу взаимобмена, становится схожей, но не одинаковой. В связи с этим предлагаем классифицировать различия на виды по основанию приобретения: 1) те, что обусловлены традицией, отраженные в основах конституционного строя и являющиеся наиболее устойчивыми к воздействию извне; 2) приобретенные в процессе конституционно-правового развития, выработанные конституционно-правовой практикой других государств и успешно заимствованные.

Таким образом, единство фундаментальных конституционных основ при многообразии моделей правового регулирования прав и свобод человека, внутригосударственного устройства, организации и

функционирования высших органов государственной власти с учётом национальной самобытности – одна из характерных черт современного конституционного права стран Центральной Азии. В отличие от универсализации, различия в конституционно-правовом регулировании стран Центральной Азии и стран СНГ вообще достаточно хорошо изучены и широко представлены в научной и учебной литературе [21, 22].

Примечательно не только конституционное многообразие, но и зачатки уникальных конституционно-правовых явлений в отдельных странах. Например, в Республике Таджикистан наряду со статусом президента, характерного для всех республик, формируется оригинальный конституционно-правовой институт Основателя мира и национального единства – Лидера нации (ст. 65 Конституции Республики Таджикистан), а в Республике Казахстан – статус Первого Президента Республики Казахстан (ст. 42 Конституции Республики Казахстан).

Несмотря на принципиальную общность конституционного права России и стран Центральной Азии, в нём имеется немало различий в источниках, институтах, темпах развития и содержании конкретных норм. Каждое из государств обладает конституционной идентичностью, неповторимостью, что предопределяет конституционно-правовой плюрализм на постсоветском пространстве. Универсализация конституционного права и проявления трансляции российского конституционного опыта лишь сужают рамки уникальности конституционно-правового пространства каждого отдельного государства, но не обезличивают его. В связи с этим рассмотренные факторы сближения не способны разрушить, а могут лишь ослабить границы между конституционным правом разных стран. Такие границы будут сохраняться и в дальнейшем, но формирование конституционно-правовых макрообразований на наднациональном уровне требует в перспективе специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tushnet M. The Inevitable Globalization of Constitutional Law. Harvard Law School Public Law & Legal Theory Working. 2008. Papers Series Paper. № 09-06.
URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1317766.## (дата обращения: 28.10.2018).
2. Steinmetz G. State/culture: State-formation After the Cultural Turn. Cornell University Press, 1999.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2010.
4. Глазатова Т.С. Основные тенденции развития права в условиях глобализирующегося мира // Право и государство: теория и практика. 2011. № 8. С. 19–23.
5. Безбородов Ю.С. Универсализация и локализация международно-правового регулирования в условиях глобализации // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 26–30.
6. Чиркин В.Е. Конституция: российская модель. М., 2004.
7. Михалева Н.А. Конституционное право зарубежных стран СНГ. М., 1999.
8. Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1993. № 2.
9. Белов С. Пределы универсальности конституционализма: влияние национальных ценностей на практику принятия решений конституционными судами // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4 (101). С. 37–56.
10. Арановский К.В. Конституционная традиция в российской среде. СПб., 2003.
11. Каримов И.А. (1938–2016). Собрание сочинений. Ташкент, 2011.
12. Рогов И. В конституциях Казахстана и Франции есть много общего. URL: <http://www.zakon.kz/4914784-institut-sorbonna-kazahstan-yavlyayetsya.html> (дата обращения: 28.10.2018).
13. Колюшин Е.И. Тренды конституционности и революционности в теории и практике конституционного (государственного) права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 6. С. 3–8.
14. Чигринов С.П. Конституционная идентичность и конституционное развитие в XXI веке // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3 (58). С. 32–38.
15. Закон Кыргызской Республики о внесении изменений и дополнений в Конституцию Кыргызской Республики от 28 декабря 2016 г. № 218. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913> (дата обращения: 28.10.2018).

16. Закон Республики Казахстан о внесении изменений и дополнений в Конституцию Казахстана от 10 марта 2017 г. № 51-VI ЗРК. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029 (дата обращения: 28.10.2018).
17. Нечкин А.В. К вопросу о формах правления в странах СНГ // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 12. С. 11–16.
18. Пугина О.А. Преемственность элементов российской правовой системы и проблемы конституционно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 11. С. 2–6.
19. В Конституцию Узбекистана внесены изменения. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2017/04/08/constitution> (дата обращения: 28.10.2018).
20. Шустров Д.Г. Пределы изменения Конституции и конституционный контроль за их соблюдение в России и постсоветских государствах: сравнительно-правовое исследование: в 2 т. М., 2018. Т. 1.
21. Вишняков В.Г. Сравнительный анализ конституций государств – участников СНГ. М., 2006.
22. Зулфугарзаде Т.Э. Конституционное право государств – участников СНГ : учеб. М., 2008.

Статья представлена научной редакцией «Право» 29 января 2019 г.

Constitutional Law of the Russian Federation and Central Asian Countries: The Unique and the Universal

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 195–203.

DOI: 10.17223/15617793/440/27

Evgeniy S. Anichkin, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: rrd231@rambler.ru

Tatyana I. Ryakhovskaya, Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dnight@mail.ru; ryakhovskaya.ti@gmail.com

Keywords: universalization; globalization; continuity; constitution; constitutional law; internationalization; legal system; comparative constitutional law; constitutional identity.

The article is devoted to the study of the constitutional law of Russia and Central Asian countries (traditionally this refers to Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan), which is predetermined by our close cooperation with each other and little knowledge of this geographic community: Central Asia's laws are not subjected to a detailed analysis; meanwhile, its states are closest to the Russian Federation, interaction with them can lead to positive results in the field of state and legal construction, which is undoubtedly relevant. The aim of this study is to identify common features between Russian constitutional and legal norms and the unique constitutional experience of the countries of Central Asia. The analysis is based on the theoretical works of K.V. Aranovsky, V.G. Vishnyakov, E.I. Kolyushin, N.A. Mikhaleva, A.V. Nечкин, V.E. Chirkin and other prominent scholars, as well as regulatory documents, including the Constitutions of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Russian Federation, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan. The main methods of the study were formal legal (used to study the texts of the basic laws of the states) and comparative legal (used to identify the common and the specific). Undoubtedly, the objective proximity of Russia with the countries of Central Asia and their integration policy based on tolerance form a favorable basis for constitutional and legal universalization ensured, in turn, by internationalization and reception of constitutional law. In the research, the following manifestations of constitutional and legal universalization were identified: (1) a break with the constitutional legal experience of the Soviet past; (2) a fundamental renewal of the foundations of the constitutional order; (3) a noticeable influence of generally recognized principles and norms of international law; (4) reception of advanced foreign constitutional experience. At the same time, it was discovered that each state takes into account its natural-geographical, historical, national-cultural, internal political and other features in the basic laws. As a result, the authors came to the conclusion that, despite the fundamental commonality of the constitutional law of Russia and Central Asian countries, there are many differences in sources, institutions, rates of development and content of specific norms, which allows grouping constitutional and legal differences not only by typical reason – main institutions – but also according to the temporal criterion. It was also found that institutions that are regulated not only by constitutional, but also by international law, do not have any special distinctions. The most heterogeneous is the regulation of the organization and activities of government bodies, but, by virtue of mutual reception, it also begins to acquire universal features.

REFERENCES

1. Tushnet, M. (2008) *The Inevitable Globalization of Constitutional Law*. Harvard Law School Public Law & Legal Theory Working. Papers Series Paper. No. 09-06.
[Online] Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1317766. (Accessed: 28.10.2018).
2. Steinmetz, G. (1999) *State/culture: State-formation After the Cultural Turn*. Cornell University Press.
3. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2010) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow: Russian Academy of Sciences: Institute of Russian Language.
4. Glazatova, T.S. (2011) Osnovnye tendentsii razvitiya prava v usloviyakh globaliziruyushchegosya mira [The main trends in the development of law in a globalizing world]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and State: The Theory and Practice*. 8. pp. 19–23.
5. Bezborodov, Yu.S. (2013) Universalization and localization of international legal regulation in conditions of globalization. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 3. pp. 26–30. (In Russian).
6. Chirkin, V.E. (2004) *Konstitutsiya: rossiyskaya model'* [Constitution: a Russian model]. Moscow: Yurist".
7. Mikhaleva, N.A. (1999) *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran SNG* [Constitutional law of foreign countries of the CIS]. Moscow: Yurist".
8. *Informatsionnyy byulleten' Mezhparyamentsoy Assamblei gosudarstv – uchastnikov SNG*. (1993) 2.
9. Belov, S. (2014) The limits of universality in modern constitutionalism: the influence of national values on judicial practice in constitutional cases. *Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 4 (101). pp. 37–56. (In Russian).
10. Aranovskiy, K.V. (2003) *Konstitutsionnaya traditsiya v rossiyskoy srede* [Constitutional tradition in the Russian environment]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
11. Karimov, I.A. (2011) *I.A. Karimov (1938–2016) Sobranie sochineniy* [I.A. Karimov (1938–2016). Collected Works]. Tashkent: Uzbekistan.
12. Rogov, I. (2018) *V konstitutsiyakh Kazakhstana i Frantsii est' mnogo obshchego* [The constitutions of Kazakhstan and France have much in common]. [Online] Available from: <http://www.zakon.kz/4914784-institut-sorbonna-kazakhstan-yavlyaetsya.html>. (Accessed: 28.10.2018).
13. Kolyushin, E.I. (2017) Trendy konstitutsionnosti i revolyutsionnosti v teorii i praktike konstitutsionnogo (gosudarstvennogo) prava [Trends of constitutionality and revolutionism in the theory and practice of constitutional (state) law]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noye pravo – Constitutional and Municipal Law*. 6. pp. 3–8.
14. Chigrinov, S.P. (2016) Constitutional identity and constitutional development in XXI century. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 3 (58). pp. 32–38. (In Russian).

15. Kyrgyz Republic. (2016) *Zakon Kyrgyzskoy Respubliki o vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Konstitutsiyu Kyrgyzskoy Respubliki ot 28 dekabrya 2016 g. № 218* [Law of the Kyrgyz Republic on amending and supplementing the Constitution of the Kyrgyz Republic dated December 28, 2016, No. 218]. [Online] Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913>. (Accessed: 28.10.2018).
16. Republic of Kazakhstan. (2017) *Zakon Respubliki Kazakhstan o vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Konstitutsiyu Kazakhstana ot 10 marta 2017 g. № 51-VI 3PK* [The Law of the Republic of Kazakhstan on Amendments and Additions to the Constitution of Kazakhstan of March 10, 2017, No. 51-VI 3PK]. [Online] Available from: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029. (Accessed: 28.10.2018).
17. Nechkin, A.V. (2016) K voprosu o formakh pravleniya v stranakh SNG [On the issue of forms of government in the CIS countries]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 12. pp. 11–16.
18. Pugina, O.A. (2007) Preemstvennost' elementov rossiyskoy pravovoy sistemy i problemy konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya [The continuity of the elements of the Russian legal system and the problems of constitutional and legal regulation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 11. pp. 2–6.
19. Gazeta.uz. (2017) *V Konstitutsiyu Uzbekistana vneseny izmeneniya* [The Constitution of Uzbekistan has been amended]. [Online] Available from: <https://www.gazeta.uz/ru/2017/04/08/constitution>. (Accessed: 28.10.2018).
20. Shustrov, D.G. (2018) *Predely izmeneniya Konstitutsii i konstitutsionnyy kontrol' za ikh soblyudeniem v Rossii i postsovetskikh gosudarstvakh: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: v 2 t.* [The limits of the Constitution and constitutional control over their observance in Russia and the post-Soviet states: a comparative legal study: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Yurlitinform.
21. Vishnyakov, V.G. (2006) *Sravnitel'nyy analiz konstitutsiy gosudarstv – uchastnikov SNG* [Comparative analysis of the constitutions of the CIS member states]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Gorodets".
22. Zul'fugarzade, T.E. (2008) *Konstitutsionnoe pravo gosudarstv – uchastnikov SNG* [The constitutional law of the CIS member states]. Moscow: Russian New University.

Received: 29 January 2019